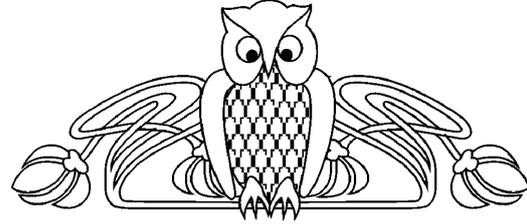

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 294–304
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 294–304
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-294-304>, EDN: BJWSFW

Научная статья
УДК 821.161.1.09+821.19.09+929Аджемян

«Историк по наклонностям» и «Зощенко в философии»: скандальная карьера писателя Х. Г. Аджемяна

В. Н. Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов,
ул. Астраханская, д. 83

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии,
daniilovvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, AuthorID: 308190

Аннотация. Писатель Х. Г. Аджемян в 1940–1950-е гг. активно участвовал в целом ряде важных научных дискуссий по истории и философии: совещании историков в 1944 г., дискуссии о движении кавказских горцев, философской дискуссии 1947 г., обсуждении доклада о природе наций в 1957 г., на которых он был основным «возмутителем спокойствия». Его смелые идеи о монистическом единстве государства и народа, вреде классово-борьбы и национально-освободительных движений для укрепления могущества Российской державы, использовании православия для борьбы с Ватиканом, приоритете культурных факторов над экономическими в формировании наций подвергались критике со стороны академической науки и партийных идеологов. Вместе с тем выступления Аджемяна использовались властью для выявления мировоззренческих позиций в профессиональной научной среде, а его трактовка реакционной сущности мюридизма и имамата Шамиля спустя некоторое время стала официальной. В 1943 г. он обращался к Сталину с абсурдным планом завершения войны.

Ключевые слова: история, философия, дискуссия, война, Х. Г. Аджемян, Российское государство, классовая борьба, мюридизм, нация

Для цитирования: Данилов В. Н. «Историк по наклонностям» и «Зощенко в философии»: скандальная карьера писателя Х. Г. Аджемяна // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 294–304. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-294-304>, EDN: BJWSFW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Historian by inclination” and “Zoshchenko in philosophy”: The scandalous career of the writer H. G. Ajemyan

V. N. Danilov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Viktor N. Danilov, daniilovvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, AuthorID: 308190

Abstract. In the 1940s and 1950s, the writer H. G. Ajemyan actively participated in a number of important scientific discussions on history and philosophy: a meeting of historians in 1944, a discussion about the movement of Caucasian mountaineers, a philosophical discussion in 1947, a discussion of a report on the nature of nations in 1957, at which he was the main “troublemaker”. His bold ideas about the monistic unity of the state and the people, the harm of class struggle and national liberation movements to strengthen the power of the Russian state, the use of Orthodoxy to fight the Vatican, and the priority of cultural factors over economic factors in the formation of nations were criticized by academic science and party ideologists. At the same time, Ajemyan’s speeches were used by the authorities to identify ideological positions in the professional scientific community, and his interpretation of the reactionary essence of Muridism and Imamate Shamil became official after a while. In 1943, he appealed to Stalin with an absurd plan to end the war.

Keywords: history, philosophy, discussion, the war, H. G. Ajemyan, The Russian state, class struggle, Muridism, nation

For citation: Danilov V. N. “Historian by inclination” and “Zoshchenko in philosophy”: The scandalous career of the writer H. G. Ajemyan. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 294–304 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-294-304>, EDN: BJWSFW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Фигура эпатажного писателя и историка Хорена Григорьевича Аджемяна (1907–1968) присутствует в целом ряде работ по истории советской исторической науки 1940-х гг. (Г. Д. Бурдея [1], А. М. Дубровского [2], А. Л. Юрганова [3], Д. Л. Брандербегера [4], В. В. Тихонова [5]). В них часто буквально дословно приводятся его неординарные выступления на совещании советских историков в ЦК ВКП (б) 1944 г. и диспуте по вопросу о мюридизме в 1947 г. В. В. Тихонов назвал Аджемяна ярким представителем когорты «маленьких людей» в науке, через которых власти в сталинский период транслировали «в общество определенные, непривычные, провокационные идеи и выявляли реакцию на них, готовили научную общественность к их восприятию» [5, с. 117], что верно, как мы дальше увидим, лишь отчасти. Для современников и последующих исследователей его появление среди видных деятелей советской гуманитарной науки представляется весьма неожиданным. А. М. Панкратова в одном из писем военного времени писала о нем: «Что это за фигура, я точно не представляю себе. Он член Союза писателей, философ по образованию, историк по наклонностям, поэт-переводчик по специальности, армянин по национальности» [6, с. 59].

Между тем к началу Великой Отечественной войны Х. Г. Аджемян имел изданные литературно-художественные произведения в разных жанрах, опубликовал несколько критических статей в центральных журналах, а его пьесы ставились в театрах Армении. В 1941 г. в «Историческом журнале» вышла его довольно обстоятельная рецензия на работу академика Армянского филиала АН СССР Я. А. Манандяна «Месроп-Маштоц в борьбе армянского народа за культурную самобытность», которая была издана в Ереване на русском языке в 1941 г. и представляла собой доклад, прочитанный 19 ноября 1940 г. на юбилейной сессии, посвященной 20-летию установления советской власти в Армении [7, с. 141–143]. В 1942 г. тот же журнал публикует другую его толковую рецензию на книгу А. Антоновской «Великий Моурави», в которой освещается драматический жизненный путь грузинского исторического деятеля XVII в. и национального героя Георгия Саакадзе [8, с. 72–75]. В этой рецензии Аджемян в духе письма И. В. Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”» высказал свое положительное отношение к политике России на Кавказе и упущенной возможности со стороны Саакадзе найти в ее лице опору в национально-освободительной борьбе. Он писал, что «из всех внешнеполитических ориентаций самой здоровой и исторически разумной была ориентация на единоверную Россию, которая уже в этот период стала грозной и надежной силой для спасения Грузии от ужасающих злодеяний шаха Аббаса и его достойного

соперника – султана» [8, с. 75]. С одной стороны, это указывает на то, что у писателя уже к тому времени имелись вполне сформировавшиеся великорусские исторические взгляды, а с другой стороны, он по сути отрицал универсальность принятой в рассматриваемый период формулы «наименьшего зла» в отношении вопроса о присоединении к России других народов и территорий.

Еще большую смелость Аджемян вскоре проявил, передав в «Исторический журнал» многостраничную статью «О социальной сущности кавказского мюридизма», которую редакция не согласилась опубликовать, поскольку она в корне расходилась с установившимися в советской историографии канонами по этой проблеме. И если в данном случае Аджемян рассчитывал на эпатирование профессиональной исторической среды, то это ему удалось. Вскоре о нем заговорили известные научные авторитеты. Свое удивление и отрицательное мнение о данной статье изложила в письме от 2 марта 1944 г. в ЦК ВКП (б) член редколлегии «Исторического журнала» А. М. Панкратова, просившая партийное руководство «помочь разобраться» в принципиальных вопросах истории. Она писала:

«В редакцию “Исторического журнала” поступает немалое количество статей того же рода (отступающих от классового подхода, оправдывающих колониальную политику царизма. – В. Д.), требующих “реабилитации” героев Ермолова, Скобелева и др. на том основании, что это были храбрые русские генералы. Одна из таких работ писателя и “философа” Аджемяна посвящена переоценке национально-освободительного движения на Кавказе. Шамиль объявляется представителем реакционно-теократической аристократии, а руководимое им движение реакционным на том только основании, что Россия вовлекла «дикарей и разбойников горцев» (по терминологии автора) в сферу культуры и прогресса, а они ей сопротивлялись. Кстати, эта работа начинается с длинного «философского» объяснения, что в наши дни «классовая борьба в истории устарела». Первые слова государственного гимна «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь» Аджемян (и многие с ним) толкуют, как основание для отказа от ленинской оценки колониально-национальной политики русского царизма» [3, с. 241].

Затрагивала Панкратова позицию Аджемяна и в других письмах в ЦК ВКП (б).

Но на этом в обретении известности Х. Г. Аджемян не стал останавливаться, решив эпатировать уже руководящих идеологических работников ЦК ВКП (б), но иным образом. 26 марта 1943 г. в аппарат члена Государственного Комитета Обороны Г. М. Маленкова из особого сектора ЦК ВКП (б) было передано рукописное письмо на одну страницу, адресованное И. В. Сталину. Автор письма, отрекомендовавший себя как «писатель Х. Аджемян, человек готовый дерзать и умереть за славу нашей государственности»,

просил Сталина лично выслушать его в течение часа, поскольку имеющийся у него план по дальнейшему ведению войны он не может изложить письменно или озвучить кому-либо, кроме «Вам и Ваших соратников». Письмо содержало набор высокопарных предложений и неясных намеков (имелись в нем грамматические ошибки, что, впрочем, простительно человеку, для которого русский язык не является родным). В частности, Х. Г. Аджемян писал: «В этой войне политическому разуму суждено играть более выдающуюся роль, быть может танкам. Я докажу [это] Вам или другому члену ГКО предложением одного военно-политического плана диверсии против врага, который заставит противника: а) уводить войска за пределы наших границ; б) вынудит наших своекорыстных и проникнутых своими партикулярными интересами союзников выступить быстро, энергично и со всей мощью». В качестве издержек в реализации его плана, по мнению автора письма, могут быть «в худшем случае одна достойная бессмертная жизнь и подобным Исааком мог бы стать как я, так и немало честных и одаренных людей, для которых умереть за Родину и идеи – долг. Верьте, дорогой Иосиф Виссарионович, что всем ходом вещей нам суждено жестоко одурачить наших врагов, опозорить и осрамить их дипломатию и разведку!» [9, л. 37].

В письме содержалась приписка: «Если угодно будет Вам уяснить, что я за человек вообще – затребуйте от Госполитиздата или из ЦК (от Г. Ф. Александрова) мою готовую к печати, но не печатавшуюся книгу: “Критика идей вечной войны и вечного мира”». Естественно, члены ГКО не стали ни интересоваться этой книгой, ни встречаться с самим Аджемяном. Маленков просто переправил письмо «профильному» секретарю ЦК ВКП (б) А. С. Щербакову для выяснения, в чем же суть столь грандиозного плана писателя. Непосредственно этим вопросом в конце марта – начале апреля 1943 г. занимались сотрудники Управления пропаганды и агитации (далее – УПА). Была запрошена характеристика «объективка» на Аджемяна в отделе кадров Союза советских писателей. Кроме того, работник УПА ЦК ВКП (б) А. Еголин лично разговаривал с секретарем правления Союза советских писателей СССР (далее – ССП) А. А. Фадеевым, который высказался отрицательно об Аджемяне как литераторе, считая его «бездарным писателем, случайно попавшем в Союз писателей» [9, л. 38].

В официальной характеристике из аппарата ССП, подписанной секретарем президиума ССП по оргвопросам П. Скосыревым и начальником отдела кадров М. Дубинским, которая была доставлена в ЦК буквально на следующий день – 27 марта 1943 г., – никаких оценок творчества и личных качеств Аджемяна не содержалось. Можно было лишь узнать, что Аджемян Хорен Григорьевич, армянский поэт, прозаик, критик

и драматург, 1908 г. рождения (по другим сведениям 1907 г. – В. Д.), беспартийный. Среднее образование получил в Армении (не было сказано, что он закончил Московский библиотечный институт), работал в типографиях, был наборщиком на армянском шрифте. Первые стихи и художественные очерки появились в армянской печати в 1923 г., а первый сборник стихов вышел в 1929 г. Помимо стихов, написал поэму «Беседа с апостолом» (1934 г.) и повесть «Бодрые залпы» (1931 г.). На сценах армянских театров были поставлены три его пьесы. Отметился также публикацией ряда критических статей в центральных журналах «Книга и пролетарская революция», «Под знаменем марксизма», «Исторический журнал», «Советская библиография». Работал над переводами на армянский язык произведений Пушкина, Тютчева и Фета. В характеристике также говорилось, что Аджемян в период войны написал литературно-философский труд «Критика идей вечной войны и вечного мира» и работает над книгой «Дух войны» для Госполитиздата. «Последняя его повесть о войне отвергнута редакциями как слабая и безграмотная», – отмечалось в характеристике [9, л. 39].

8 апреля 1943 г. начальник УПА ЦК ВКП (б) Г. Ф. Александров отправил в секретариат А. С. Щербакова коротенькую записку, в которой говорилось: «Писатель Аджемян вызывался в Управление пропаганды. Его “планы” носят абсурдный характер. По существу, он предлагает русский вариант Гесса» [9, л. 40]. Из этого можно заключить, что Аджемян предлагал по типу неудавшейся «миссии» заместителя Гитлера по нацистской партии Рудольфа Гесса в Великобританию в мае 1941 г. отправить в Германию его или еще кого-то другого, а возможно, и из числа руководителей СССР, с целью переговоров о прекращении советско-германского вооруженного противостояния. Вряд ли стоит говорить о нелепости подобного «плана» в тех условиях и полной адекватности человека, его предложившего. Однако писатель, как можно было бы предположить, не попал в опалу, наоборот, его активная публичная деятельность только начиналась и связана она была уже не с художественной литературой и философией, а с историей.

Трудно сказать, в какой мере именно благодаря названному письму «В Госуд. комитет обороны. Вождю т. Сталину» (таков был его дословный адресат) аппарат ЦК ВКП (б) стал более внимательно присматриваться к Х. Г. Аджемяну, об «ошибках» которого сигнализировала еще Панкратова, но через год он уже фигурирует в официальных партийных документах по идеологическим вопросам. 18 мая 1944 г. при подготовке к совещанию историков, проводившемуся с перерывами в мае – июле 1944 г. в ЦК ВКП (б), на имя секретарей ЦК Г. М. Маленкова, А. С. Щербакова и А. А. Андреева была направлена записка «О серьезных недостатках

и антиленинских ошибок в работе некоторых советских историков» и дополнение к ней под названием «О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков». Они были написаны начальником Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александровым, его заместителем П. Н. Федосеевым и редактором газеты «Правда» П. Н. Поспеловым. В дополнении к записке приводились примеры этого «великодержавного шовинизма», которые якобы имели место в выступлениях и трудах известных историков (Е. В. Тарле, Б. Д. Греков, А. И. Яковлев, Б. И. Сыромятников), а также в «писаниях некоего Аджемьяна», где «нашла откровенную защиту» «буржуазная точка зрения», об антиисторичности всякого революционного движения, исходившая из «предпосылки о единстве государства и народа» [10, с. 202].

Далее в документе говорилось, что в статье, присланной в «Исторический журнал», Аджемьян «предлагает отказаться от рассмотрения исторических событий под углом зрения классово-борьбы, считая такой подход “детской болезнью левизны”», «определяет революционные восстания реакционными», поскольку они, по мнению автора статьи, «подорвали силу самодержавной власти в России». «Желая выразить творческую роль народа, – цитировали авторы записки рукопись Аджемьяна, – наша рассудочная историография льнула к образам Разина, Болотникова, Пугачева, Радищева, декабристов и опасалась деяний Дмитрия Донского, Ал. Невского, Ивана Грозного, Петра I, Суворова и других. Почему? Потому, что первые выступали против государства, вторые же наоборот, ратовали за укрепление и возвеличение государства. Первые разрушали, а вторые строили». Вторая цитата касалась оценки писателем пугачевского восстания: «Их победа способна была поставить под удар политическую мощь России, могла вывести ее из числа мировых держав в силу отсутствия достойного зрелого преемника государства Романовых. При победе Пугачева Россия повернулась бы в пучину кровавого одичания» [10, с. 203].

В литературе бытует мнение, что якобы Аджемьян задействовал какие-то неизвестные «связи и механизмы», чтобы оказаться среди участников совещания историков в Кремле [5, с. 111]. Но, во-первых, в УПА к этому времени о нем уже было, как видим, достаточно информации, а во-вторых, на совещание были приглашены все советские историки, упоминавшиеся в записке. Не исключено также, что идеологические работники ЦК постарались избежать во время дискуссии излишнего академизма или, как они выразились, существовавшей в среде историков «взаимной амнистии» и «взаимной терпимости к ошибкам исторического и принципиального характера» [10, с. 201], а для этого потребовалось новое лицо, не связанное корпоративными условиями,

пусть даже и с весьма спорными историческими взглядами. К тому же Г. Ф. Александрову, который занимался подготовкой совещания, было выгодно большее присутствие противников Панкратовой, поскольку та отзывалась неодобрительно о его работе в письмах к секретарям ЦК партии.

На самом совещании историков летом 1944 г. Х. Г. Аджемьян был достаточно видной фигурой – вторым выступающим среди более 70 человек приглашенных (всего выступили 23 историка), его имя звучало почти в половине всех выступлений, ему дали слово для пояснения позиции на заключительном заседании, о нем говорилось в проектах итоговых документов совещания. В содержательном плане на совещании в центре внимания были вопросы роли классовой борьбы и национального начала в отечественном историческом процессе, известная триада: государство – народ – историческая личность, которые поразному трактовались историками. Здесь выявились два концептуально-идеологических полюса: приоритет национального в истории и абсолютизация классового подхода. Вместе с тем, как отмечают Д. Л. Брандербергер и А. М. Дубровский, имели место и взгляды промежуточного характера, олицетворявшие стремление сохранить относительную объективность (К. В. Базилевич, Н. Л. Рубинштейн, Б. Д. Греков и др.) или отсечь крайности в освещении русской истории (И. И. Минц, А. В. Ефимов). Х. Г. Аджемьян вместе с С. К. Бушуевым и Е. В. Тарле стал глашатаям нового «патриотического курса», заявлявшим о недооценке великого прошлого русского народа и необходимости борьбы с «национальным нигилизмом», привнесенным «школой Покровского» [4, с. 150].

А. М. Панкратова была потрясена выступлением Аджемьяна, в котором он озвучил большую часть своей статьи о природе мюридизма. Удивлены были и все остальные: «Чтение продолжалось свыше часа. Впечатление было неотразимое. Собравшиеся не верили своим ушам и глазам. В президиуме молчали и внимательно слушали» [6, с. 59]. В самом деле, и сегодня его выступление (в опубликованной стенограмме) производит впечатление необычной остротой, эмоциональностью и нетривиальными для того времени мыслями.

Никто из советских историков не смел ранее так откровенно утверждать, что монарх в истории выражал не только волю народа, но и его самосознание. Никто еще на столь высоком партийно-государственном совещании не говорил о «монистической цельности и неразрывности народа и государства» и об исторической вреде некоторых форм классовой борьбы, направленных против государства:

«...Разве можно верно понять, например, историю пугачевского бунта без указанного монистического

взгляда единства и взаимообусловленности народа и правителей? Конечно, нетрудно встать на позицию наивной рассудочной историографии и сказать, что царское правительство ничего общего не имело с интересами народа, а потому защитник и вождь Пугачев скликал своих орлов народного восстания и, вступив в смертный бой с царскими наймитами, был, увы, побежден в неравном бою. По этой схеме и было написано немало трудов, повестей и поэм. Это было легко и казалось убедительно. При более глубоком взгляде на предмет оказывается, что государство Екатерины II в условиях конца XVIII в. не в такой уж степени было антинародным, а Пугачев, воюющий за “лучшего царя”, был не таким уж преданным делу народа вождем. Сами массы, поднятые им, не могли еще толком понять, за что они взялись за топор, вилы и оружие, и их победа способна была поставить под удар секиры политическую мощь России, могла широко открыть ворота перед иноземными захватчиками и даже на время вывести ее из числа мировых держав в силу отсутствия более достойного, зрелого преемника государства Романовых. Мы миновали пору того детского лепета, когда, сравнивая пугачевщину с декабристами, рассуждали так: “Что же декабристы? Они сами были дворяне, генералы, а вот Пугачев – это был человек из народа”. Между тем при рассмотрении истории как единого процесса нам легко понять, что победа декабристов вывела бы Россию на путь либерального, капиталистического, более прогрессивного развития, ускорила бы темпы прогресса и восхождения России как мировой, благоустроенной державы, тогда как при победе Пугачева Россия повернулась бы в пучину кровавого одиночества, а слова самого Пугачева: “Бог наказал Россию через мое окаянство” осуществились бы в гораздо более крупных масштабах» [11, с. 62].

Х. Г. Аджемян изложил свое понимание сущности классовой борьбы: ее следует рассматривать только в естественных и разумных пределах, которые определяются монистической историей народа, диалектически связанного с историей государства. Ссылаясь на работы Маркса и Ленина, он утверждал, что классовая борьба не есть главное в марксизме, о чем заявляли еще буржуазные мыслители, а главное – диктатура пролетариата, движение к которой определяется всем ходом исторического процесса, а в нем определяющую роль играет государство. Также Аджемян высказал «крамольную» мысль о произведении К. Маркса и Ф. Энгельса: «Знание России не составляло сильную сторону этих наших учителей. Главное, они не учли и не могли учесть, что Россия не есть проселочная тропа по отношению к столбовой дорожке мировой истории, а наоборот, ей-то и принадлежит высокая честь составлять своей историей последнюю фазу этого великого тракта» [11, с. 66].

Главный удар Х. Г. Аджемян направил в сторону А. М. Панкратовой, ее последних трудов и публичных выступлений:

«Тов. Панкратова в бытность свою в Казахстане создала книгу об истории Казахской ССР, в которой

по старинке очернила русскую завоевательную политику, благодаря которой впоследствии казахи приобрели культуру, литературу, национальный облик. Она расхваливала Касымова и его движение за то, что они упрямо шли против исторически прогрессивного движения России на Восток, что диктовалось как интересами безопасности русской империи с Востока, так и интересами культурного пробуждения казахов в цепких когтях азиатской неподвижности. Логика тут ясная. Раз Россия зря залезла в казахские степи, в казахские горы, значит, она зря гонялась за химерами, и, значит, история России сама есть погоня за призрачными химерическими целями. Такая теория, такая “философия” истории народов СССР также культивируется за рубежом. Марксизм учит, что то, что действительно, – разумно. Тов. Панкратова вступает в схватку с исторической действительностью и клеймит ее осуждением и поношением. Она это делает с полным сознанием своей правоты, ибо считает, что ее право и даже долг – оплевывать русских царей, генералов, наместников и облюбовывать всяких бунтарей, авантюристов, одевая их в тогу национальных освободителей, хотя известно, что в те годы казахи и дагестанцы еще не были нациями. Где тут логика? Логика тут ясная. Она исходит из принципа классовой борьбы, так ложно ею понятого, и строит свои силлогизмы: раз классовая борьба – значит, надо сочувствовать движению “низов” против «верхов». Кто «низы»? – Казахи! Кто «верхи»? – Представители русской империи. Нам же надо отказаться от подобной ложной трактовки сущности ленинизма и исходить из интересов советского государства, советского народа. Это и есть тот монистический целостный, неразрывный субъект, который достоин чести быть критерием исторической истины... <...> Россия не достигла бы ничего и стала бы объектом ненависти, а не субъектом той силы, которая привела нас к изумительным историческим результатам, воспетым нашим гимном: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь» [11, с. 66].

Историки-«ортодоксы», стремившиеся сочетать «советский патриотизм с марксистско-ленинским подходом к истории» не только приняли выступление Аджемяна в штывы, но и сделали его, по выражению Панкратовой, «мальчиком для битья». Сама Анна Михайловна, выступая сразу после него на заседании 1 июня 1944 г., обвинила Аджемяна в гегельянстве, связала его взгляды с русской «государственной школой», процитировав Б. Н. Чичерина [11, с. 68]. Н. Л. Рубинштейн продолжил эту мысль, утверждая, что Аджемян в гегельянстве далеко оставил позади даже Соловьева, не доходившего никогда до такого упрощенчества [12, с. 96–97]. В представлении И. И. Минца, если встать на точку зрения Аджемяна, то должны «осудить Октябрьскую революцию, которая произошла в период войны России с Германией» [12, с. 109]. А. В. Ефимов назвал его взгляды «химерой», допустив при этом оскорбительный выпад в том духе, что выступление Аджемяна ниже уровня совещания: «Здесь происходит совещание историков,

между тем т. Аджемьян показал, что он, безусловно, не историк, хотя, по моему разумению, нет данных и о том, что он философ» [13, с. 69]. М. С. Волин обозвал его «маленьким геростратиком», сравнил с чеховским героем, «который, совершив непотребство, за что попал на страницы местной губернской газеты, возомнил о себе как о герое, который прославился на всю губернию» [14, с. 82–83].

8 июля во время выступлений для справок и поправок, а Аджемьяну было предоставлено слово последнему, произошла перепалка между ним и ведущим заседание секретарем ЦК А. С. Щербаковым. Вот как излагает этот эпизод А. М. Панкратова: «Он (Аджемьян. – В. Д.) резко возражает тов. Волину и читает цитаты из Плеханова, заявляя, что оценка Плехановым пугачевщины вполне марксистская. Товарищи с мест кричат ему, что именно в отношении к Пугачеву сказалась меньшевистская концепция Плеханова в области истории. Аджемьян возражает. Происходит резкая полемика Аджемьяна с аудиторией. Тов. Щербаков втягивается в эту полемику и, обращаясь к Аджемьяну, очевидно, не выдерживая, говорит ему гневно: “Как же Вы приходите в ЦК партии и воспеваете оды самодержавию?”. Аджемьян: “Я не согласен с Вами, – нельзя отрицательно относиться к самодержавию на всех этапах истории”. Тов. Щербаков: “Ну, это уже вопрос политических мнений”» [3, с. 363].

В письменном дополнении к стенограмме 8 июля Аджемьян развернуто ответил всем своим критикам. Пожалуй, новый мотив прозвучал только в ответе на выступление Е. Н. Городецкого, в котором по сути содержался посыл для известной идеологической кампании послевоенного времени. Он заявил буквально следующее:

«...Не заслуживает серьезного ответа другой ярлычок, данный мне щедрой рукой т. Городецкого, – о великодержавном шовинизме, ибо это обвинение чаще всего играет роль фигового листка, тщетно скрывающего другой порок, имя которого – космополитический интернационализм». Этот мотив он повторил еще раз, указав, что Городецкий – «выразитель космополитизма, у которого чувства патриотизма, национальной гордости атрофированы» [3, с. 373].

На следующий день после этого заседания, 9 июля 1944 г., Х. Аджемьян направил письмо в Политбюро ЦК ВКП (б), пытаясь оправдаться и высказать критические замечания в адрес А. С. Щербакова. По его мнению, тот не понял сути предлагаемой им новаторской философии истории. Х. Г. Аджемьян сообщил в Политбюро ЦК ВКП (б), что открыл новый закон истории, и если этот закон воспримут, то он счастливо займется разработкой инновационной теории пространства в контексте «творческого марксизма» [3, с. 374–375].

Одновременно Аджемьян направил письмо и Сталину, в котором сообщил:

«Тот факт, что тов. Щербаков мое выступление расценил как “Ода захватнической политики царизма”, говорит о том, что т. т. Минц, Волгин и другие считают, что их нападки на меня одобрены ЦК. Моя работа о реакционной сущности движения Шамиля, моя солидарность с Плехановым о пугачевщине и тот закон, который я открыл в области создания многонационального государства (чем ниже был уровень народа, входящего в состав России, тем сильнее была его воля к сопротивлению и наоборот) оплевывались, но не критиковались. Я считаю себя новатором и публицистом, забитым и забытым догматизмом, с которыми я буду бороться всегда, покуда разум мой еще не погас. Но раз член Политбюро так превратно толкует мои взгляды, я вынужден просить не защиты и не благосклонности, о нет! А лишь ознакомления со стенограммой моего выступления и письменного ответа моим оппонентам. Все это составляет около 3 печатных листов и для чтения нужно время, которое у Вас так дорого. Это так. Но с первых же страниц Вы убедитесь, что “игра стоит свеч”, и если даже во многом я не прав, то и в этом случае то направление, которое выдвигаю я, есть здоровое, полнокровное детище нашей великой эпохи, гордо носящей Ваше имя» [цит. по: 3, с. 376].

Во всех вариантах проекта итогового документа совещания, который готовили сначала работники УПА ЦК ВКП (б), а затем А. А. Жданов, и который так не был принят, содержится критика взглядов Аджемьяна, иногда в оскорбительной форме («эта белиберда» и пр.), вплоть до политических обвинений в идеализации буржуазно-помещичьих порядков и возрождении им великодержавно-националистической идеологии, «враждебной ленинско-сталинской политике укрепления дружбы народов», а попытка доказать «преемственность политики советского государства с политикой русского царизма» есть не что иное, как «навязать Советской России политику старой царской России», ведущей «к отрицанию необходимости Октябрьской революции и советского строя как результата этой революции» [3, с. 391–484; 4, с. 148–163].

24 октября 1944 г. Щербаков выступил на пленуме Московского городского комитета партии, где с осуждением рассказал о воззрениях Аджемьяна [2, с. 489]. С критикой его взглядов (хотя и не называя имен) выступил Г. Ф. Александров в своей статье «О некоторых задачах общественных наук» [15, с. 16]. На заседании парторганизации Института истории АН СССР 18 апреля 1945 г. член редакции «Исторического журнала» И. А. Кудрявцев представил доклад «О некоторых искривлениях по вопросам истории СССР». В нем он специально остановился на фигуре Аджемьяна, подчеркнув, что тот отошел в своих воззрениях от марксизма и проповедует гегельянство, выпячивая роль государства как выразителя народного духа. И. А. Кудрявцев назвал такие взгляды неприемлемыми, а само явление, получившее определенное распространение и в среде профессиональных историков,

«аджемяновщиной», сутью которой являлась реабилитация великодержавного взгляда на историю и отказ от классового принципа [5, с. 113].

Казалось бы, после этого Аджемян должен был сойти с публичной арены. Но что-то в его идеях крайне заинтересовало идеологов, а его выступления были похожи на сознательную провокацию для прощупывания настроений профессиональных историков. Как показало время, этот «историк по наклонностям» не оказался в забвении. Но, если природу заинтересованности партийных идеологов в допущении публичных выступлений Аджемяна с «крамольными» взглядами на историю можно понять, то рационально объяснить, почему в тех условиях он был такой храбрый в своих речах, не представляется возможным, учитывая и тот факт, что его родной брат известный армянский писатель и публицист Гурген (литературный псевдоним Маари) с 1936 г. находился в местах заключения.

Несмотря на обструкцию на совещании мая – июля 1944 г. и сразу после него, Аджемян продолжал стучаться в двери научных учреждений. В 1945 г. он предложил руководству Института истории АН СССР заслушать его доклад о мюридизме, но оно отклонило эту инициативу [5, с. 114]. Однако сдвиги во внутривосточных ориентирах и усиление внедрения идеологии советского патриотизма, пропаганда роли «старшего брата» союзных национальностей русского народа и борьба с любыми проявлениями национализма способствовали тому, что через два года писатель все же представил его элите советской исторической науки.

Доклад Х. Г. Аджемяна «Об исторической сущности кавказского мюридизма», прозвучал 19 июня 1947 г. на расширенном заседании сектора истории народов СССР XIX – начала XX в. Института истории АН СССР. Заседание открыл руководитель сектора Н. М. Дружинин, изложивший мотивы, которыми руководствовались при постановке доклада на обсуждение. «Советская историческая наука, – говорил он, – рассматривает борьбу горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля как национально-освободительное движение, направленное против колониальной политики царской России, как историческое явление, прогрессивное по своему существу. Однако за последнее время некоторые историки высказали мнение о необходимости пересмотреть эту точку зрения как неправильную». К числу научных работников, считающих необходимым внести коренные изменения в прежнюю концепцию о движении горцев 1830–1850-х гг., принадлежит и Х. Г. Аджемян [16, с. 24].

Свой доклад Аджемян начал с того, что априорный взгляд на любое антирусское национальное движение как явление прогрессивное уже не соответствует времени. Он напомнил, что два года назад уже предлагал заслушать его

доклад в Институте истории, тогда это предложение «вызвало некоторый переполох. Начали говорить о недопустимости, о невозможности, о нецелесообразности постановки и пересмотра этого вопроса вообще» [5, с. 114]. Теперь многое изменилось, и указания Маркса и Энгельса, сказал Аджемян, не могут быть руководством в этом вопросе. Автор ссылался на Л. Н. Толстого, давшего непривлекательный образ Шамиля, и Н. Г. Чернышевского, которому приписал статью в «Современнике» «О значении наших последних подвигов на Кавказе» (на самом деле автором был Н. А. Добролюбов) [цит. по: 5, с. 114].

Ниспровергая культ Шамиля, Аджемян рисовал мрачную картину отсталости и дикости горских народов Дагестана и Чечни, но при всем том неплохо организованных для военного разбоя. Только благотворное влияние, – указывал он, – русской культуры и культуры более прогрессивных кавказских народов, армян и грузин, могло изменить сложившееся положение дел. Лишь благодаря торговому и политическому влиянию Российской империи в горском обществе возникли прогрессивные явления [16, с. 134].

Выступавший привел факты, свидетельствовавшие о том, что Шамиль активно сотрудничал с турецким султаном и намеревался свергнуть грузин, армян, азербайджанцев под жесткий гнет султана, оторвать их от России. Он признавал, что Россия проводила колониальную политику, но одновременно «пробуждала в этих народах искры национального самосознания, создавала условия, как экономические, так и культурные, для становления наций в строгом смысле этого слова. Поэтому тяга к России со стороны народов Кавказа определялась их тягой к культуре и становлению их нациям». Причем, чем более развитыми были народы, тем сильнее они тянулись к России. Шамилю автор противопоставил Ахундова, который, по его словам, призывал к единению с Россией [16, с. 135]. В заключении шел однозначный вывод: несмотря на ряд объективных предпосылок, мюридизм – реакционное и религиозное движение фанатиков, а не социальный протест против феодального порабощения со стороны Российской империи.

Обсуждение доклада было весьма оживленным. Б. Н. Заходер категорически отверг тезис о хозяйственной, культурной и социальной отсталости народов Северо-Восточного Кавказа, приведя исторические свидетельства о давних традициях культуры и образованности в регионе. Полемицируя с Аджемяном, К. В. Сивков настаивал на том, что политическая организация, созданная Шамилем, носила государственный характер: в имамате существовала своеобразная правовая система, система судопроизводства, налогов, административного устройства. А. Б. Закс, отметив, что движение горцев не было однородным и в политике Шамиля было немало

противоречий, тем не менее заявила, что характеризовать движение как «реакционное» нельзя, так как в основном оно носило антифеодальный характер. М. В. Нечкина протестовала против уничижительных характеристик Шамиля, подчеркивая, что многолетнее организационное и идейное руководство движением рисует его как подлинного вождя масс. Ш. И. Типеев обвинил Аджемьяна в стремлении сочетать марксистские взгляды с буржуазными, марксистское понимание национально-освободительного движения – с шовинистическими оценками. По мнению Е. И. Чистяковой Аджемьян возрождает старые, колонизаторские точки зрения на движение горцев, а Л. М. Иванов считает, что Аджемьян оправдывает колониальную политику царского правительства. Диспутанты не согласились с тем, что движение горцев было инспирировано Турцией; это движение выросло органически на почве самой страны. В какой-то степени Аджемьян поддержал некий Хуршилов из Дагестана, признавший, что образ Шамиля идеализируется и модернизируется советскими историками. Заключительное слово дали самому докладчику, который сказал, что не хотел идеализировать царскую Россию, но и с критикой категорически не согласился [16, с. 135–139].

Подводя итоги дискуссии, Н. М. Дружинин имел полное основание констатировать, что точка зрения Аджемьяна не нашла поддержки в среде участников прений. Соответственно, прежняя точка зрения советских историков оставалась в силе: движение горцев Северо-Восточного Кавказа под руководством Шамиля являлось освободительным и прогрессивным. Н. М. Дружинин критиковал мировоззренческо-методологические подходы Аджемьяна, так как, по его мнению, всякое национально-освободительное движение в пределах царской России следует признать реакционным, что совершенно недопустимо. Однако не верна и другая – буржуазно-националистическая точка зрения: признание всякого выступления против царской России под национальными лозунгами положительным, прогрессивным явлением. Впрочем, Н. М. Дружинин закончил призывом к дальнейшей научно-исследовательской разработке обсуждавшейся темы [16, с. 139–140].

Дискуссия свидетельствовала о том, что советские историки (на открытом заседании сектора присутствовали около 40 человек) не приняли нового подхода Х. Г. Аджемьяна. Тогда они и не предполагали, что вскоре под воздействием внешних обстоятельств чаша весов в этом споре склонится на сторону писателя. Аджемьян в июле 1949 г. был приглашен на заседание президиума АН СССР, в повестке которого стояли вопросы истории исторической науки [17, с. 227]. В 1950 г. в теоретическом органе партии – журнале «Большевик» – появилась статья первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана М. Д. Багирова

«К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля», в которой историки осуждались за неправильную трактовку мюридизма как прогрессивного явления. Упомянулось там и о дискуссии вокруг доклада Аджемьяна, со ссылкой на то, что историки цепко держатся за отжившие взгляды. В статье особенно подчеркивалась связь Шамиля с Турцией и Англией, чему придавался особенно негативный оттенок в условиях борьбы с низкопоклонством перед Западом [18, с. 21–37]. Появление этой публикации окончательно закрепило новую концепцию истории Кавказской войны. Вышло специальное постановление Президиума АН СССР «Об антимарксистской оценке движения мюридизма и Шамиля в трудах научных сотрудников Академии наук СССР». В академических институтах прошла серия заседаний, на которых осуждалась старая оценка мюридизма. Причем на них вчерашние критики практически слово в слово повторяли тезисы докладов Аджемьяна. Первоочередной задачей была признана необходимость «преодолеть эти ошибки, произвести углубленное научное исследование данной проблемы», а также «немедленно приступить к исправлению учебников, которые вышли из недр института истории – для высшей и средней школы» [5, с. 117].

Но вот результат участия в другой дискуссии 1947 г. – философской – оказался крайне неудачным для Х. Г. Аджемьяна. Дискуссия проводилась по указанию ЦК ВКП (б) по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», об авторе которой у писателя еще с военного времени сложилось отрицательное мнение, а также, если судить по выступлению, и о работе всех «официальных» советских философов. Аджемьян утверждал:

«... У нас есть философские работники, популяризаторы, специалисты, историки философии и критики философии. Но философов, утверждаю я, у нас здесь в зале нет. Почему? Потому что философ – это означает не просто ученый, посвященный в философскую науку, но творец этой науки. Возьмите обсуждаемую книгу. Можно ли автора называть философом на основании этой книги? Никак, он историк философии и только. Но у него же на днях вышла статья против Дьюи и других. Выступает ли он в этой статье как философ? Нет. Он тут выступает как критик философии... Мы должны с некоторым смущением отказаться от тех иллюзий, что у нас множество философов, и заботиться о том, чтобы наиболее творчески одаренные из них получили бы возможность проявить себя как философы, т. е. обогащать ядро, сердцевину философской науки, а не только внешнюю оправу, систематизацию, историческое освещение этого ядра. Мы должны дать широкие возможности печатать всякую смелую, оригинально задуманную работу, посвященную проблемам диалектического и исторического материализма, логике, онтологии, гносеологии не в том аспекте, как было до сих пор, а совершенно в другом. До сих пор мы писали о философии... Творческий

философ не должен заниматься только критикой новых реакционных модных течений буржуазного мира, а он должен сам создать новые современные прогрессивные течения, оттенки, жанры в области философии...» [цит. по: 19, с. 277–278].

Далее Аджемян проводил идею о необходимости союза между философией диалектического материализма и православием. Он писал, что подобно тому, как при наличии трактора нужна и лопата, так и в борьбе против католицизма и Ватикана может пригодиться нам (как «трактору») и православная церковь в качестве идейного союзника, «лопаты» [20, с. 96].

Иницилируя эту дискуссию, Сталин распорядился, чтобы она была совершенно свободной и каждый мог говорить все, что считает нужным. Тем не менее речь Х. Г. Аджемяна оказалась единственной, которая не была опубликована по ее окончании. В письме к А. А. Жданову главный редактор журнала «Вопросы философии» Б. М. Кедров, которому поручалась публикация материалов, характеризовал выступление Аджемяна, как пропагандирующие «в корне враждебные нам взгляды», а сама постановка подобных вопросов – как «клевета на наше мировоззрение». А чтобы у Жданова возникли нужные параллели, Кедров заявил, что Аджемян «объективно взял на себя роль Зоценко в философии» [18, с. 277]. В свою очередь Жданов в письме к Сталину предложил речь Аджемяна не публиковать как «враждебную марксизму-ленинизму галиматью», с чем тот согласился [20, с. 97; 21, с. 146].

Последнее выступление Х. Г. Аджемяна перед видными представителями советской гуманитарной науки состоялось уже после XX съезда КПСС. Произшедшая корректировка политико-идеологического курса позволила теперь ему «замахнуться» на критику одного из самых значимых пунктов в идейном наследии И. В. Сталина – теории национального вопроса. Сталинское определение нации в советское время считалось каноническим, где признаки составляют нерасторжимое единство. «Нация, – писал Сталин, – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, объединенных общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [22, с. 296]. По Сталину нация не просто историческая категория, а историческая категория определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Вот это-то и попытался оспорить Аджемян.

В мае 1957 г. Аджемян представил в отделе истории АН СССР доклад «Критика взгляда т[ак] наз[ываемой] “буржуазной нации”», обсуждение которого было в конечном итоге назначено на 28 ноября этого года. Тезисы доклада и основная часть стенограммы обсуждения опубликованы не так давно историком А. Л. Юргановым [23, с. 138–157]. Из этих

материалов видно, что пришедших на диспут оказалось немного (6–7 человек), хотя это были достаточно известные историки (А. А. Губер, Б. Ф. Поршнева, Д. В. Молчанов, Г. Л. Кабаев и др.). Поэтому Аджемян был недоволен организацией данного мероприятия, сравнив его с дискуссией о мюридизме. Выступая, он сказал:

«Когда я говорил относительно неудачной организации, я не имел в виду того, что следовало собрать большую аудиторию. Я имел в виду приглашение действительно компетентных товарищей, которые могли бы обсудить эту спорную проблему. И этим я не хотел сказать, что те товарищи, которые почтили наше совещание своим присутствием, некомпетентны. Нет, я имел в виду, чтобы не было фигуры молчания, и чтобы совещание не было ограничено несколькими лицами, потому что эта проблема волнует очень многих, интересует очень многих. И было бы гораздо плодотворнее, если бы мы не так келейно, не так исподтишка организовали это совещание, чтобы присутствовали люди, которым есть что сказать – за или против, это все равно; полагаю, что они сказали бы против, но это было бы гораздо плодотворнее, потому что три человека не могут сказать столько, сколько десять – двенадцать человек. Для такого вывода у меня есть исторический опыт. Я помню, в 1947 году в этом же зале, после трехлетних моих просьб, была организована дискуссия о движении, чтобы пересмотреть те взгляды, ту концепцию, которая существовала в отношении этого движения, сорвать тот ореол национально-освободительной борьбы, который был вокруг Шамиля. И хотя не было особого желания на это, академик Б. Д. Греков внял моим просьбам и организовал подобную дискуссию. И эта дискуссия не была так келейно организована, пришло человек 30–40, выступило 10–12» [23, с. 143].

В тезисах к докладу Х. Г. Аджемян доказывал, что нация действительно историческая категория, но неправильно говорить, что только капитализм породил нации, а фактор экономики и производственных отношений не является определяющим в их формировании. Чтобы найти решающий фактор национального становления бывших народностей необходимо направить поиски не в сферу базисных явлений, а в область надстройки – культуры, политики, права. Развитие культуры народности обуславливает переход от ступени сознания к самосознанию, но народ осознает в этом случае не только духовную самость, а и свои физические и физиологические особенности. Приводя исторические примеры, докладчик утверждал, что одни нации складываются в период рабовладения, другие – при феодализме, в рамках капитализма этот процесс ускоряется. При социализме же формируются те нации, которые во всех предыдущих формациях были настолько далеки от столбовой дороги человеческой культуры, их цивилизации, что еще не успели дойти до степени национального самосознания. Если же нации считать базисным явлением, заявлял Аджемян, то следует признать, что по мере развития экономики национальный

фактор должен усиливаться, но сейчас, наоборот, наблюдаются интеграционные процессы [23, с. 148–157].

Содержание доклада вызвало у участников дискуссии в основном критические замечания. Однако позиция Аджемьяна не была опровергнута аргументами, а скорее не принята в соответствии с укоренившимися в сознании советских обществоведов постулатами формационной концепции. Б. Ф. Поршнев говорил, что «главное, стержневое объяснение нации и ее становление в тезисах Аджемьяна не может быть принято, потому что оно отрицает установку всей исторической науки – рассматривать сначала экономические предпосылки, а потом уже культурные, исторические, языковые и т. д. Автор предлагает нам, отказавшись от выяснения экономического содержания или экономической основы, экономической причины существования нации, целиком обратиться к сфере сознания и самосознания. Мне кажется, что т. Аджемьян ничего нового этой своей концепцией не предложил, ибо определение нации по признаку, скажем, отнесения себя к определенной нации, т. е. по признаку национального сознания, – это давным-давно уже предлагалось. Еще австро-марксизм не мог преодолеть субъективного подхода к понятию «нация»» [23, с. 141]. Д. В. Молчанов говорил: «Если мы откажемся от наших марксистских понятий нации, тогда мы этим явлениям не найдем места в истории и не объясним их» [23, с. 142]. Г. Л. Кабаев просто обвинил Аджемьяна в том, что его позиция «антимарксистская», «ненаучная», «идеалистическая», «ревизионистская», «националистическая», «крайне субъективистская» и даже «расистская» [23, с. 142].

В ходе дискуссии Х. Г. Аджемьян показал себя изоциренным полемистом, отвечая всем и приводя неожиданные аргументы, которые сходу было трудно опровергнуть. В частности, он заявил:

«Вы говорите, что экономика для нас является первенствующей, мы признаем примат экономики. Но дело в том, что примат экономики, в признании которого я с вами не расхожусь, который я признаю, не означает, что эта категория более высокая. Она первичная, но не более высокая. Я помню, в одной философской диссертации диссертант употреблял такое выражение – “материя как наивысшая категория”. Я там сказал, что материя не является наивысшей категорией, материя является первичной, а между первичной и наивысшей большая разница. То же и дух, сознание, культура – это вторичное, но это не значит, что это низшее. Наоборот, сознание, дух, самосознание – это явления более высокого порядка, чем экономика» [23, с. 146].

Можно понять академических историков в их неприятии подхода Аджемьяна к вопросу о природе наций, и дело даже не в том, что тот предлагал иной стиль мышления, а то, что недавнее мартовское 1957 г. постановление ЦК КПСС

о «Журнале “Вопросы истории”» заставляло их осторожнее подходить ко всякого рода теоретическим новациям. Вместе с тем дискуссия вольно или невольно вынуждена была проблематизировать понятийную сферу традиционного научного дискурса и идти по пути творческого поиска, что, в частности, привело в последующем к таким явлениям в советской исторической науке, как постановка ряда теоретических вопросов в секторе методологии истории в Институте истории АН СССР, появление «нового направления» в изучении аграрной истории России и др.

Феномен Х. Г. Аджемьяна стал возможен благодаря своеобразному сочетанию общественно-политических условий жизни страны в 1940–1950 гг. и его личных качеств. Хотя он и не был типичным представителем советской исторической и философской мысли, его диссидентство в этих областях не выходило серьезным образом за устанавливаемые властью идеологические рамки. Даже в письме к Сталину 1943 г. с весьма сомнительным «планом по дальнейшему ведению войны» могли тогда увидеть одну из многочисленных народных инициатив помощи в разгроме нацистской Германии. Безусловно, смелые публичные выступления Аджемьяна с эпатажными идеями были выгодны партийному руководству для нахождения, а в иных случаях и продвижения, идеологических установок сообразных меняющейся ситуации. Объективно в них была заинтересована и научная элита, с одной стороны, для внутреннего концептуально-мировоззренческого размежевания, а с другой стороны – как объект для критики, не разрушавший корпоративных отношений.

Список литературы

1. Бурдей Г. Д. Историк и власть. 1941–1945. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1991. 264 с.
2. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск : Издательство Брянского университета, 2005. 890 с.
3. Юрганов А. Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М. : РГГУ, 2011. 763 с.
4. Брандербергер Д. Л., Дубровский А. М. Итоговый партийный документ совещания историков в ЦК ВКП (б) в 1944 г. (история создания текста) // Археологический ежегодник за 1998 год / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука, 1999. С. 148–163.
5. Тихонов В. В. Как «маленькие люди» творили большую историю: Феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке // История и историки: историографический вестник. 2011–2012 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Наука, 2013. С. 108–124.

6. Панкратова А. М. Письма Анны Михайловны Панкратовой / публ. Ю. Ф. Ивановой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54–79.
7. Аджемян Х. Манандян Я. Месроп-Маштоц в борьбе армянского народа за культурную самобытность // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 141–143.
8. Аджемян Х. Антоновская А. «Великий Моурави» // Исторический журнал. 1942. № 8. С. 72–75.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644 (Государственный Комитет Обороны). Оп. 4. Д. 2.
10. Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП (б) (1944 г.). Публикация текста, вступление и комментарий к нему подготовила И. В. Ильина // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 188–205.
11. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году (Вступительная статья Ю. Н. Амиантова) // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 47–77.
12. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 82–112.
13. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 47–77.
14. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 70–87.
15. Александров Г. Ф. О некоторых задачах общественных наук // Большевик. 1945. № 14. С. 12–23.
16. Закс А. Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. № 11. С. 134–140.
17. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие. Вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В. П. Корзун. М. : РОССПЭН, 2011. 470 с.
18. Багиров М. Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. 1950. № 13. С. 21–37.
19. Добренко Е. Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 4 (28). С. 254–288.
20. Кедров Б. М. Как создавался наш журнал. Вопрос о новом журнале на философской дискуссии 1947 г. // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 92–103.
21. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело академика Г. Ф. Александрова. Эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1. С. 134–146.
22. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Собрание сочинений : в 13 т. М. : ОГИЗ ; Госполитиздат, 1946. Т. 2. С. 290–367.
23. Юрганов А. Л. О первом опыте десталинизации в философском объяснении «национального вопроса» (1957 год). Предисловие к архивной публикации // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 1. С. 138–157. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2020-13-1-138-157>

Поступила в редакцию 15.03.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 15.03.2024; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024